

МОТИВ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-34-46

Н. В. Проданик¹*Омский государственный педагогический университет*

КОФЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА: ОТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА К СЕМАНТИКЕ НАПИТКА В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье реконструируется историко-культурный контекст, демонстрирующий «акклиматизацию» кофе в России XVIII века – в жизни представителей разных социальных слоев и возрастов (дворян и мещан, взрослых и детей). Определяется, какой семантикой обладал новый напиток в творчестве первооткрывателей русской литературной кофейной топики: А. Кантемира, Г. Державина, Н. Новикова. Устанавливается, как менялась авторская оценка кофе в зависимости от динамики культурного контекста: как первоначальная негативно-сатирическая оценка любви к кофе дворянина-сибарита (А. Кантемир) затем дополнялась оценкой позитивной: аромат кофе – слагаемое счастливой жизни Поэта в идиллическом мире усадьбы (Г. Державин).

Ключевые слова: русская культура XVIII в., русская литература XVIII в., мотив кофе, сюжет кофепития, семантика кофе, жанр сатиры, жанр послания, творчество А. Кантемира, Г. Державина, Н. Новикова

N. V. Prodanik*Omsk State Pedagogical University*

COFFEE IN RUSSIAN CULTURE OF THE 18TH CENTURY: FROM HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT TO THE SEMANTICS OF THE BEVERAGE IN LITERATURE

The article reconstructs the historical and cultural context demonstrating the “adaptation” of coffee in Russia of the 18th century in the lives of representatives of different social statuses and ages (nobles and townspeople, adults and children). The research specifies the semantics of the new drink had as revealed in the works of the pioneers of the Russian coffee theme: A. Kant emir, G. Derzhavin, N. Novikov. It is established how the authors’ evaluation of coffee changed depending on the dynamics of the cultural context: as an initial negative-satirical assessment of the love for coffee of a sybarite nobleman (A. Kantemir), любовь к was then supplemented with a positive assessment: the aroma of coffee is a component of the Poet’s happy life in the idyllic world of the manor (G. Derzhavin).

¹ Надежда Владимировна Проданик – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (Омск), omsk.nadezhda@mail.ru

Key words: Russian culture of the 18th century, Russian literature of the 18th century, motif of coffee, the plot of the coffee drinking, semantics of coffee, genre of satire, genre of epistles, works of A. Kantemir, G. Derzhavin, N. Novikov

В России XVIII век был эпохой тотальных преобразований, затронувших и государственное устройство, и культурную действительность, и повседневную жизнь людей. Новое искусство, отказавшееся от доминанты средневековой идеи теоцентризма, стало пространством осмысления окружающей жизни: художник расширил горизонт своего зрения – в произведения вошли политические, исторические, бытовые реалии и даже модные пристрастия автора и персонажей. В статье речь пойдет об освоении российской литературой и культурой такого модного напитка XVIII века, как кофе. Монографических работ о мотиве кофе, сюжете кофепития в российской культуре и словесности XVIII века удалось разыскать немного [Богданов, 2006, с. 49–67; Алябьева, 2004, с. 119–132], гораздо более статей, посвященных культуре повседневности, где кофе или кофейни лишь упоминаются. Согласимся с мнением исследователей, что в произведениях XVIII века, как в «плодородной почве», оказались скрыты многочисленные «зерна» русской культуры: «...повторяющиеся в разных текстах бытовые детали и ситуации...» под пером поэтов и прозаиков 1760-х–1800-х годов постепенно «вызревали» и приобретали «...статус литературной топики» [Автухович, 2015, с. 161]. Не стала исключением и кофейная топка, в этот период она тоже начинала складываться, попадая из пространства культуры в зону внимания отечественных пиитов.

Очертим историко-культурный контекст, пользуясь свидетельствами журналистов, писателей, библиотекарей XVIII века о зарождении интереса к кофе в России, а также обратимся к уточнениям историков, культурологов XX–XXI вв., устанавливающих генезис европейского и российского увлечения этим напитком.

В 1785 году А. А. Петров, один из авторов и редакторов журнала «Детское чтение для сердца и разума», так реконструировал историю появления кофе в Европе и России: «...Во Францию привезь его Французъ ла-Рокъ въ 1644 году. Въ Лондонѣ продають кофе съ 1652 году; а у насъ въ Россіи ввелось оно гораздо уже позже...» (здесь и далее курсив наш. – Н.П.) [Петров, 1785, с. 42]. В журнале упоминается о восточном генезисе напитка: от имени отца, отвечающего на вопросы детей, говорится, что лучший сорт кофе – левантский, произрастающий на «восточных землях» [Там же, с. 41]. Рассказчик указывает, что зерна для напитка поставляются к нам европейскими странами, владеющими колониями на Востоке: «...Левантское кофе...привозится къ намъ изъ Каира чрезъ Марсель и Венецію...» [Там же, с. 39]. Дети, понимая экономическую выгоду европейцев, вторят ему: «...Голландцамъ, Французамъ и другимъ владетелямъ такихъ земель очень не худо; они разбогатели бы и отъ одного этого товару...Я думаю, что въ одной Россіи расхочется его очень много...» [Там же, с. 41]. Действительно, выращенные в Бразилии, Суринаме, Йемене, зерна кофе поставлялись в российское государство европейскими метрополиями, и мода на кофе, кофейни – это тоже часть европейской культуры, усвоенной русскими [см. об этом подробнее: Бибикина, 2015, с. 12–22].

Редакторы и авторы журнала «Детское чтение» стремились к точности, им необходимо было сформировать у детей верное представление о предмете разговора, однако фразу о гораздо более позднем появлении кофе в русском пространстве необходимо уточнить. Считается, что открытие первой лондонской кофейни состоялось в 1652 году, ее владельцем был выходец из Турции. Удачливого коммерсанта в стихотворном посвящении современники почтительно называли первым, кто предложил лондонцам этот чудесный «нектар», что пробуждает умственную деятельность и иссушает «фонтаны слез»...» [цит. по: Алябьева, 2004, с. 120–121].

Знакомство с кофе в российском государстве состоялось в 1665 году, когда придворный лекарь предписал царю Алексею Михайловичу рецепт: «Вареное кофе, персианами и турками знаемое, и обычно после обеда, изрядно есть лекарство против ... насморков и главоболений» [цит. по: Богданов, 2006, с. 57]. Придворным лекарем был Самуэл Коллинз, он получил образование в университетах Англии [Энциклопедический словарь, 2001] и, конечно, был знаком с кофе. Видимо, именно он и отрекомендовал царю новое «лекарство». Если обратить внимание на годы, приведенные выше, то можно заметить, что европейцы и русские отведали кофе почти синхронно.

Европейцам напиток сразу пришелся по вкусу: «С первых дней своего существования заведение ... пользовалось невероятным успехом у горожан, и вскоре по всему Лондону все больше кофейен открыли свои двери для посетителей. Так что на рубеже XVII–XVIII веков в Лондоне насчитывалось уже более двух тысяч заведений...» [Алябьева, 2004, с. 121]. Другие страны тоже не отставали. В «Письмах русского путешественника» (1789–1790 гг.) Н. М. Карамзин, восторженно отзываясь о вкусе французского кофе, утверждал, что в столице Франции открыто «...более 600 кофейных домов» и здесь варят кофе, «...какого не умеют варить ни в Германии, ни в Швейцарии» [Карамзин, 1984, с. 244, 269].

В российской же культуре к кофе привыкали дольше и сложнее. Распространению кофейен способствовали проводимые Петром реформы и утверждение нового уклада жизни: гражданин российского государства сменил требования средневекового национального традиционализма на любовь ко всему модному и европейскому, в том числе пришлось менять и гастрономические пристрастия, выбирая кофе, а не квас. Кроме того, в обществе утверждалась публичность светской жизни, «...сначала в Петербурге, а затем и Москве появилась ...мода посещать кофейни, рестораны...» [Берков, 1957, с. 9]. По сравнению с Европой мода на кофе в России запаздывала: только в 1722 году у Троицкой Пристани Петербурга был построен «...Кофейной Дом ...для Его Величества», но достаточно быстро Дом был переименован в Портовую Таможню, и подавался ли в таможне кофе императору и другим посетителям, современники умалчивают [Описание, 1997, с. 200]. По свидетельству А. Богданова, служащего библиотеки Императорской Академии наук (а его записи сделаны в 1749–1751 гг.), для «рабочих людей» привычнее в харчевнях были «квасы» и «збитень вместо чаю», кофе в меню таких

заведений не упоминался [Описание, 1997, с. 200]. Только «иностранцы люди» посещали «...особливые Дома, в которых припасают разные и деликатные кушанья для всех, не имущих собственного своего дому...» [Описание, 1997, с. 201]. Постепенно число кофейных домов в Петербурге возрастало, и в указах 1806 года пришлось делить их на два разряда, а в 1821 году «...появляется Положение “О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях”» [Исторические аспекты, 2019, с. 123–124].

Увеличившееся число кофеен привело к удешевлению напитка: в XVIII веке кофе считался аристократическим напитком, но в начале XIX века он сделался доступен и простому народу, небогатым мещанам. Вот как об этом писал В. Г. Белинский: «Петербургский простой народ ... разнится от московского: кроме ... чая, он любит еще и кофе и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики; а прекрасный пол петербургского простонародья, в лице кухарок и разного рода служанок, чай и водку отнюдь не считает необходимостью, а без кофею решительно не может жить...» [Белинский, 1948, т. 2, с. 784]. Все это произойдет гораздо позже, чем временной период, о котором идет речь в статье, но информация нам необходима для того, чтобы увидеть предмет исследования в диахроническом измерении.

Вернемся к европейскому контексту культуры, здесь кофе зарекомендовал себя как мужской, домашний и достаточно дешевый напиток уже в XVII веке. Увлечение кофе и кофейнями разделяли не все, нашлись и противники этой моды. Всему виной сомнительная репутация кофеен в обществе: они играли роль закрытых мужских клубов, выступали неким аналогом политических собраний для свободно мыслящих людей. В Англии XVII века «...при отсутствии ... газет и журналов... и неорганизованности почтовой системы кофейни стали основным местом обмена и циркуляции новостей и слухов...» [Алябьева, 2004, с. 124]. Дешевизна напитка (в сравнении с вином) сделала кофейни излюбленным местом пребывания всех, кто вынужден экономить; англичане говорили: «...Ожидание друга в таверне заметно поубавит содержимое вашего кошелька», а «...два-три часа, проведенные в кофейне, обойдутся вам не дороже одного пенса» [Цит. по: Алябьева, 2004, с. 124].

Слухи о сомнительном времяпрепровождении мужчин за кофе были преувеличены, в лондонских кофейнях конфиденциальность поддерживалась, например, корпоративными интересами: существовали кофейни, где собирались студенты, ученые и царил дух Просвещения, где встречались буржуа и проводились коммерческие, страховые сделки [Николаев, 2020, с. 576–577]. Буржуазный дух свободы, желание построить свою карьеру требовали напряжения сил, и кофе выступал «энергетическим напитком», придавал бодрости, сохраняя трезвость ума. По этой причине кофейни в городской субкультуре были противопоставлены тавернам, а кофе – вину [Николаев, 2020, с. 577–579].

Обратимся к отечественной литературе XVIII века. В русскую литературу ввел мотив кофе и первым начал разрабатывать его семантику Антиох Кантемир.

Выполняя дипломатические поручения российской власти, Кантемир в 1730-х годах жил в Лондоне и Париже, был знаком с новинками европейской культуры; известны ему были и традиции быта русского дворянства, перенявшего и трансформировавшего обычаи европейские. В «Сатире II. На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений» (ее окончательная редакция утвердилась к 1743 г., а публикация состоялась в 1762 г.) мотив кофе вошел в комплекс пороков молодого дворянина: юноша предпочел не трудную стезю служения и добродетелей, а утреннюю негу и заморские напитки – кофе и чай: «...Пел петух, встала заря, лучи осветили / Солнца верхи гор – тогда войско выводили / На поле предки твои, а ты под парчою, / Углублен мягко в пуху телом и душою, / Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли; / Зевнул, растворил глаза, выспался до воли, / Тянешься уж час-другой, нежишься, ожидая / Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая...» [А. Кантемир. «Сатира II». Кантемир, 1956, с. 71].

В «Сатире» кофе назван «индийским пойлом» (слово «пойло» в XVIII веке не имело оценочно сниженной окраски, означало обычный напиток – питье [Ефремова, 2000]). В комментариях к тексту Кантемир акцентирует, что кофе – это «овощ», его можно, «сжарив, смолов мелко и сваря в воде», употребить вместо завтрака, а «...прихотливым – в забаву после обеда» [Кантемир, 1956, с. 81]. Действительно, тогда купить кофе вместе с чаем и «конфектами» можно было в овощной лавке Петербурга [Описание, 1997, с. 173–174].

«Сатира II», написанная Кантемиром, не раз становилась предметом исследований, в поле зрения попадала и кофейная семантика текста. В частности, отмечалось, что питье кофе в мягкой постели – важный этап утреннего, неспешного, эстетизированного пробуждения аристократа [Довгий, 2018, с. 112, 288]. Напомним, что ко времени создания «Сатиры II» кофейни еще не стали привычны в России, ввозимый кофе был дорог, поэтому сюжет кофепития изображен Кантемиром как модное домашнее времяпрепровождение молодого обеспеченного дворянина.

Именем юноши подчеркивается его благородное происхождение, героя зовут Евгений, но поступки и привычки выдают в нем слишком изнеженного и тщеславного аристократа. Положительный герой кантемировского текста не Евгений, а Филарет (это заметно и по его говорящему имени – «любитель добродетели»), именно Филарет в сатирических тонах создает образ завистливого, мелочного Евгения. В «Сатире» сказано, что с петухами предки Евгения «войско на поле выводили» [Кантемир, 1956, с. 71], но наш «герой» не выбрал для себя военную или чиновничью стезю. Так европейский напиток, стимулирующий интеллектуальную и физическую энергию, в российском пространстве, как показывает Кантемир, меняет свою семантику: кофе выступает частью не деловой, а праздной аристократической жизни.

Поэты-сатирики XVIII века винят в сложившемся положении дел не только «детей», но и «отцов». Последние слишком поверхностно увлеклись идеями Просвещения и напрасно решили, что «университетом» для юношества станет модный заграничный мир, куда входит и мода на кофе. К подлинному нравственному

взрослению сына ведет личный пример отца – так утверждает неизвестный поэт: «... Вот воспитание! Вот ныне свет каков! / Чего же доброго тут можно перенять, / Коль деток батюшки лишь учат щеголять? / Но должно, чтоб отец себя примером ставил...» [Неизвестный автор. «Послание к Брюзгину». Поэты-сатирики, 1959, с. 586]. Батюшки оплачивают пребывание детей в Европе, а юноши купаются в роскоши – спускают деньги в театрах, лавках, ходят «в кофейны ... дома» [Неизвестный автор. «Послание к Брюзгину». Поэты-сатирики, 1959, с. 586]. Для поэта XVIII столетия кофе вместе с чаем – иноземные составляющие роскошной и бесполезной жизни, об этом писал и Семен Бобров: «Китай с арабскими странами / Не дорожился бы травой / Или пряженными бобами; / То вымысл роскоши пустой...» [Бобров, 2008, с. 421], «пряженными», т. е. маслянистыми бобами называет поэт кофейные зерна.

В «Сатире» Кантемира описанием часов, проведенных в постели в ожидании кофе или чая, как полагает А. Щеглов, открывается значимый для литературы XVIII, а затем и XIX века, сюжет – сюжет пустой жизни эстета-аристократа на фоне «чьих-то самоотверженных трудов и жертв на благо человечества» [Щеглов, 2004, с. 133]. В качестве примеров такого сюжета в литературе цитируют, например, «кофейные» строки Г. Р. Державина – «А я, проспавши до полудни, / Курю табак и кофей пью...» [Г. Р. Державин. «Фелица», 1782. Державин, 1941, с. 22]. На фоне трудов и забот Фелицы дни поэта выглядят непрекращающимся отдыхом и кулинарным наслаждением. Сюжет праздного бытия гурмана довольно часто встречается в текстах XVIII века, но оценка витальной лености, элементом которой является кофейный мотив, авторами дается разная. Для Кантемира гурманство – это порок дворянина, для Державина позднее пробуждение и предпочтение душистого кофе на завтрак и обед – это знаки частной жизни поэта, не лишенной некоторых слабостей; жизни, построенной на системе ценностей, в которой равно допустимы служение, отдых и наслаждения вкуса.

Напомним, в послании Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807) кофе является важной составляющей дня поэта, умеющего ценить радости мирной сельской жизни: «На кровле ж зазвонит как ласточка, – и пар / Повеет с дома мне манжурской иль левантской. / Иду за круглый стол...» [Державин, 1941, с. 237]. В комментариях к посланию Державин поясняет: «Манжурский, т. е. запах чайный; левантский – кофейный...» [Державин, 1957, с. 446]. Левантский кофе считался самым лучшим, этот сорт по вкусовым качествам и аромату в XVIII веке ценили более сортов Бурбонского или Суринамского кофе [Петров, 1785, с. 39–40]. Пить левантский кофе – означало иметь тонкий вкус, быть обеспеченным человеком. В художественном мире послания Державина ароматы чая и кофе, доносившиеся из дома, создавали идиллический топос – пространство частной умиротворенной жизни. Кофе не нарушал покоя усадебного бытия, здесь он не был напитком бодрости, и после двух глотков напитка герой мог сладко уснуть: «Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток...» [Г. Р. Державин. «Евгению. Жизнь Званская». Державин, 1941, с. 241].

Вернемся к «Сатире II» Кантемира, где мирный сюжет утреннего кофеиния противопоставлен сюжету военному – предки Евгения добывали себе славу на полях сражений. В российской литературе есть еще примеры такой сюжетной оппозиции: война – не время для кофейных удовольствий. В оде Н. П. Николаева «Русские солдаты, гудошная песнь на случай взятия Очакова» есть строки: «Но уж твержу облетели / Наши русские орлы, / Пули, ядра засвистели / Чрез окопы и валы. / Взбаламутился Очаков, / Не до кофию и смаков, / Трубки некогда курить: / Русский просит пообедать / Хочет корму их отведать; / Плохо с русскими дурить!..» [Н. П. Николаев «Русские солдаты, гудошная песнь на случай взятия Очакова», 1789–1797 гг. Николаев, 1972, с. 47].

В оде речь идет о том, что туркам некогда пить кофе и курить трубки – война на это не оставляет времени. Любопытно, что кофе в тексте осознается как напиток врага, а русский «обед» другой: «...Русаку обоз не нужен./ За плечьми обед и ужин, /С ним запас и кухня с ним. / Был бы хлебец и водица...» [Николаев, 1972, с. 45–46]. Ода написана в конце XVIII века, и, если обратиться к историко-культурному контексту, приведенному в начале статьи, можно заметить, что напиток в России уже известен. Об этом говорит и Кантемир в примечаниях к «Сатире II»: «...Лучший кофе приходит из Аравии... *Всем уж у нас известно*, что тот овощ... вместо завтрака служит...» [Кантемир, 1956, с. 81]. Но гастрономическая осведомленность и наслаждение кофе в XVIII веке – это привилегия просвещенного аристократа. Солдат же, который был по своему социальному статусу чаще крестьянином или бедным мещанином, кофе пил редко. Историки утверждают, что простой люд предпочитал чайные, а кто «... мог позволить себе кофе (заграничная привычка была не всем по карману), пили его дома или в гостях...» [Бибикова, 2015, с. 21–22]. Был, конечно, еще один способ крестьянину-воину попробовать заморский напиток: испить его можно было, осилив противника. Так, воссоздавая боевые действия русской армии, в 1769 г. осаждавшей Хотин, Н. И. Новиков на страницах сатирического журнала «Трутень» от лица русского солдата говорил: «...мы турков гоняем, а они от нас бегают ... мы с нетерпением ожидаем того дня, в которой будем обедать в Хотине, а, пообедавши хорошенько и напившись *турецкого кофе*, безмерно хочется нашим солдатам посмотреть, каково ужинает турецкий везир...» [Новиков, 1986, с. 85].

В российской гастрономической традиции «заморские напитки» – чай и кофе – оказались противопоставлены национальному напитку – квасу. Историко-культурный контекст свидетельствовал, что в середине века в трактирах преимущественно подавались квас и сбитень, но чем далее шло время, тем более другие напитки вытесняли квас. Один из патриархально настроенных героев А. Кантемира давал отрицательную оценку этой смене напитков: среди многочисленных пороков современности он называл чтение, философствование и...нежелание пить квас: «Дети наши... Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу...» [А. Кантемир. «Сатира I. На хулящих учения. К уму своему». Кантемир, 1956, с. 58]. Юные дворяне XVIII века, действительно, постепенно забывали о квасе: тому свидетельство жизнеописание Андрея Болотова. В круг его кулинарных предпочте-

ний входят чай и кофе, а не квас; двадцатилетний Болотов, находясь за границей, довольно часто посещает кофейни, здесь он читает газеты, наблюдает за посетителями и размышляет [Болотов, 1993, с. 531]. Только один раз, заболев по приезде в Эстонию, Болотов вспоминает о «медовом квасе... какой пивал ... в рядах, в Петербурге...», и сам пытается объяснить эту странность: «... в горячке у больных бывают иногда странные прихоти...» [Болотов, 1993, с. 299–300]. Таким образом, в российской культуре XVIII века молодой дворянин – главный любитель кофе; безусловно, тому немало способствовали служба или учеба за границей.

Была еще одна возрастная категория российского общества, о которой необходимо упомянуть в связи с кофе, – это дети. Поскольку образ ребенка еще только начинал разрабатываться писателями и поэтами XVIII века, то в художественных произведениях проблема «детского кофепития» не поднималась. И все же нельзя сказать, что она полностью отсутствовала в литературной практике: про кофе с детьми говорили на страницах журналов. В начале статьи приводились цитаты из «Разговора между отцом и детьми о кофе», опубликованного в журнале «Детское чтение для сердца и разума». «Разговор» был представлен в виде пьесы, состоящей из реплик отца и детей. Автором и переводчиком этого текста стал А. А. Петров. Текстом-источником был для него, как указывают исследователи, немецкий «Разговор за столиком в кафе», опубликованный в германской «Детской газете» – *Kinderzeitung* за 1780 год [Симанков, 2015, с. 347]. Пьеса-«разговор», созданная А. А. Петровым, не только знакомила детей с ботаническими особенностями кофейного дерева и его плодами, но выступала предостережением: отец сообщал детям, что кофе более вредно, чем полезно, что нужно как можно дольше воздерживаться от этого напитка, потому как пристрастие к нему может стать дурной привычкой [Петров, 1785, с. 43]. В письме Н. М. Карамзину А. А. Петров настаивал, что «разговор» этот очень своевременный, что он важен для молодежи, пьесу он называл «... полезным и для блага молодых отраслей рода человеческого необходимым разговором о кофе» [цит. по: Привалова, 1964, с. 259].

Журнал «Детское чтение» издавался с 1785 по 1789 годы, его редактор – Н. И. Новиков, высказываясь о влиянии кофе на детский организм, не педальировал негативное воздействие напитка, не страшал родителей. Он призывал быть благоразумными: «Кофе есть весьма обыкновенное питье, даемое и детям. Если варится для детей особенно слабое кофе, то вред от оногo состоит только в том, что он слабит без нужды желудок... Но обыкновенное крепкое кофе, употребляемое взрослыми людьми, гораздо опаснейшие для детей имеет действия. Оно разжигает кровь... препятствует росту и образованию тела...» [Новиков, 1954, с. 448].

Как видим, за кофе в XVIII веке закрепилась семантика небезопасного и, прежде всего, взрослого напитка. Литература этот «возрастной ценз» только подтверждает (кроме «Разговора» А. А. Петрова, все остальные произведения посвящены взрослым героям). Чай же, напротив, достаточно быстро проник в детскую субкультуру, тот же Н. И. Новиков, давая советы родителям, настаивал

вал на безвредности чая: «...На третьем и на четвертом году возраста младенца можно умножить несколько число его кушаний. Поутру можно давать ему чай с молоком и с сухарем или сухим хлебом» [Новиков, 1954, с. 447]. Чай не только гораздо быстрее, чем кофе, стал популярным напитком в России, в XIX веке он завоевал статус напитка национального.

В заключение отметим, что в отечественной литературе XVIII века семантика кофе разрабатывалась в двух оценочных аспектах, причем первоначальный негативно-сатирический аспект в становлении кофейной семантики постепенно вытеснялся позитивным. Эту тенденцию можно объяснить логикой литературного процесса: еще В. Г. Белинский, имея в виду творчество А. Кантемира, говорил, что русская литература начиналась не с плода весеннего – оды, а с плода осеннего – сатиры [Белинский, 1948, Т. 1, с. 28]. Кофе, вошедший в семантический комплекс европеизированной русской жизни, в сатирических текстах был осмыслен поэтами как напиток роскоши и неги праздного молодого дворянина. В таком случае сюжет «утреннего домашнего кофепития в постели» демонстрировал пороки юного аристократа, был противопоставлен ведущей установке эпохи классицизма – жертвенному служению Отечеству. Определение семантики кофе как негативно-порочной совпало по времени с зарождением моды на этот напиток: историко-культурный контекст продемонстрировал, что в России этот процесс растянулся на весь XVIII век.

Только к концу столетия кофе утвердился в российской жизни: возросло количество кофейен в городах, кофе прочно вошел в усадебную жизнь дворян. Это доказывает пример державинской усадьбы, описание ее быта, в который включено наслаждение кофейным ароматом и вкусом. Кофейная топика получила у Г. Р. Державина не столько негативную оценку (сюжет кофепития – часть праздной жизни), сколько оценку позитивную (напиток стал частью жизни Поэта, свободного от забот и службы).

Кофе как элемент отдыха (и как эквивалент передышки) в литературе был противопоставлен не только служению, но и войне: на войне не до кофе даже турку-врагу. Вместе с тем война расширила спектр «потребителей» напитка: теперь и простые солдаты мечтали выпить «турецкого кофейю» в знак победы над врагом. Увеличение количества любителей кофе происходило и за счет совсем юной аудитории, но, как демонстрировали писатели и редакторы детских журналов, «отцы» лишь утоляли любопытство детей в этом вопросе. Кофе в XVIII веке оставался напитком для взрослых, он не только казался элементом роскошной жизни, но и считался опасным, требующим дозировки.

Таким образом, в литературе XVIII века постепенно происходило расширение семантического спектра кофейной топики. Многие значения напитка были трансформированы и дополнены писателями следующих эпох, но именно культура и литература XVIII века подготавливали почву для кофейных сюжетов А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, В. В. Маяковского, а любовь к кофе в XXI веке доказывает, что список авторов следует продолжать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автухович, Т. Е. Литература и действительность в романе «Несчастный Никанор, или приключение жизни российского дворянина Н*****») / Т. Е. Автухович // XVIII век. Сб. 28. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2015. – С. 161–176.

Алябьева, Л. Роль кофеен в формировании читательской аудитории / Л. Алябьева // Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 119–132.

Белинский, В. Г. Петербург и Москва / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. – Москва: Художественная литература, 1948. – С. 763–791.

Белинский, В. Г. Литературные мечтания / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – Москва: Художественная литература, 1948. – С. 7–89.

Берков, П. Н. Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова / П. Н. Берков // Сумароков А. П. Избранные произведения. – Ленинград: Советский писатель, 1957. – С. 5–46.

Бибикина, О. «Слаще поцелуя, вкуснее бисквита в вине...» / О. Бибикина // Восточная коллекция. – 2015. – № 5 (64). – С. 12–22.

Бобров, С. Против сахара / С. Бобров // Бобров С. Рассвет полночи. Херсонда: в 2 т. Т. 1. – Москва: Наука, 2008. – С. 419–421.

Богданов, К. А. Слоны и кофе: чужое как свое / К. А. Богданов // Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 49–67.

Болотов, А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. Т. 1: 1738–1759 / А. Т. Болотов. – Москва: ТЕРРА, 1993. – 576 с.

Державин, Г. Р. Евгению. Жизнь Званская / Г. Р. Державин // Г. Р. Державин. Стихотворения. – Ленинград: Советский писатель, 1957. – С. 326–334; С. 445–447.

Державин, Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. – Ленинград: Советский писатель, 1941. – 307 с.

Довгий, О. Сагиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа / О. Довгий. – Тула: Аквариус, 2018. – 443 с.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/word/pojlo.html#.YxYhPZlBy70> (дата обращения: 05.09.2022).

Исторические аспекты развития туризма и гостеприимства: [монография] / В. А. Чернов [и др.]. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2019. – 152 с.

Кантемир, А. Собр. стихотворений / А. Кантемир. – Ленинград: Советский писатель, 1956. – С. 68–88.

Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1984. – 717 с.

Николаев, Д. В. Появление кофе в Англии и влияние кофейной культуры на английское общество / Д. В. Николаев // E-Scio. – 2020. – № 9 (48). – С. 575–580.

Николев, Н. П. Русские солдаты, гудошная песнь на случай взятия Очакова / Н. П. Николев // Поэты XVIII в.: в 2 т. Т. 2. – Ленинград: Советский писатель, 1972. – С. 43–52.

Новиков, Н. И. О воспитании и наставлении детей / Н. И. Новиков // Новиков Н. И. Избр. соч. – Москва; Ленинград: Художественная литература, 1954. – С. 417–507.

Новиков, Н. И. Сатирические ведомости / Н. И. Новиков // Русская сатирическая проза XVIII века: Сборник произведений. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1986 – С. 74–111.

Описание Санктпетербурга: Полное издание уникального российского историко-географического труда середины XVIII века / Северо-Западная Библийская Комиссия / Отв. ред. – К. И. Логачёв и В. С. Соболев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 1997. – 414 с.

Петров, А. А. Разговор между отцом и детьми о кофе / А. А. Петров // Детское чтение для сердца и разума. – Москва: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1785. – С. 33–44.

Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. – Ленинград: Советский писатель, 1959. – 753 с.

Привалова, Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» / Е. П. Привалова // XVIII век. Эпоха классицизма. Сб. 6. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – С. 258–268.

Симанков, В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) / В. И. Симанков // XVIII век. Сборник 28. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2015. – С. 323–374.

Щеглов, Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира / Ю. К. Щеглов. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2004. – 720 с.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 82 т. / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – Москва: Терра, 2001. – URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/65395-Коллинс%20Самуэл> (дата обращения: 06.09.2022).

REFERENCES

Alyab'eva, L. Rol' kofeen v formirovanii chitatel'skoj auditorii / L. Alyab'eva // Alyab'eva L. Literaturnaya professiya v Anglii v XVIII-XIX vekah. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – S. 119–132.

Avtuhovich, T. E. Literatura i dejstvitel'nost' v romane «Neschastnyj Nikanor, ili priklyuchenie zhizni rossijskogo dvoryanina N*****») / T. E. Avtuhovich // XVIII vek. Sb. 28. – Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2015. – S. 161–176.

Belinskij, V. G. Peterburg i Moskva / V. G. Belinskij // Belinskij V. G. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 2. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1948. – S. 763–791.

Belinskij, V. G. Literaturnye mechtaniya / V. G. Belinskij // Belinskij V. G. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1948. – S. 7–89.

Berkov, P. N. Zhiznennyj i literaturnyj put' A. P. Sumarokova / P. N. Berkov // Sumarokov A. P. Izbrannye proizvedeniya. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957. – S. 5–46.

Bibikova, O. «Slashche poceluya, vkusnee biskvita v vine...» / O. Bibikova // Vostochnaya kollekcija. – 2015. – № 5 (64). – S. 12–22.

Bobrov, S. Protiv sahara / S. Bobrov // Bobrov S. Rassvet polnochi. Hersonida: v dvuh t. T. 1. – Moskva: Nauka, 2008. – S. 419–421.

Bogdanov, K. A. Slony i kofe: chuzhoe kak svoe / K. A. Bogdanov // Bogdanov K. A. O krokodilah v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovanij i ekzotizmov. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. – S. 49–67.

Bolotov, A. T. Zhizn' i priklyucheniya Andrey a Bolotova: Opisannye samim im dlya svoih potomkov: v 3 t. T.1: 1738–1759. / A. T. Bolotov. – Moskva: TERRA, 1993. – 576 s.

Derzhavin, G. R. Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya / G. R. Derzhavin // G. R. Derzhavin. Stihotvoreniya. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957. – S. 326–334; S. 445–447.

Derzhavin, G. R. Stihotvoreniya / G. R. Derzhavin. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1941. – 307 s.

Dovgij, O. Satiry Kantemira kak kod russkoj poezii. Opyt mikro-filogicheskogo analiza / O. Dovgij. – Tula: Akvarius, 2018. – 443 s.

Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj / T. F. Efremova. – Moskva: Russkij yazyk, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/word/pojlo.html#YxYhPZlBy70> (data obrashcheniya: 05.09.2022).

Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona: v 82 t. / F. A. Brokgauz i I. A. Efron. / – Moskva: Terra, 2001. – URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/65395-Kollinz%20Samuel> (data obrashcheniya: 06.09.2022).

Istoricheskie aspekty razvitiya turizma i gostepriimstva: [monografiya] / V. A. Chernov [i dr.]. – Habarovsk: Izdatel'stvo Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. – 152 s.

Kantemir, A. Sobr. stihotvorenij / A. Kantemir. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1956. – S. 68–88.

Karamzin, N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / N. M. Karamzin – Leningrad: «Nauka» Leningradskoe otdelenie, 1984. – 717 s.

Nikolaev, D. V. Poyavlenie kofe v Anglii i vliyanie kofejnoj kul'tury na anglijskoe obshchestvo / D. V. Nikolaev // E-Scio. – 2020. – № 9 (48). – S. 575–580.

Nikolev, N. P. Russkie soldaty, gudoshnaya pesn' na sluchaj vzyatiya Ochakova / N. P. Nikolev // Poety XVIII v.: v 2 t. T.2. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1972. – S. 43–52.

Novikov, N. I. O vospitanii i nastavlenii detej / N. I. Novikov // Novikov N. I. Izbr. soch. – Moskva; Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, 1954. – S. 417–507.

Novikov, N. I. Satiricheskie vedomosti / N. I. Novikov // Russkaya satiricheskaya proza XVIII veka: Sbornik proizvedenij. – Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1986. – S. 74–111.

Opisanie Sanktpeterburga: Polnoe izdanie unikal'nogo rossijskogo istoriko-geograficheskogo truda serediny XVIII veka / Severo-Zapadnaya Biblejskaya Komissiya / Otv. red. K. I. Logachyov i V. S. Sobolev. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN, 1997. – 414 s.

Petrov, A. A. Razgovor mezhdou otcom i det'mi o kofe / A. A. Petrov // Detskoe chtenie dlya serdca i razuma. – Moskva: V Universitetskoj tipografii u N. Novikova, 1785. – S. 33–44.

Poety-satiriki konca XVIII – nachala XIX v. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1959. – 753 s.

Privalova, E. P. O sotrudnikah zhurnala «Detskoe chtenie dlya serdca i razuma» / E. P. Privalova // XVIII vek. Epoha klassicizma. Sb. 6. – Moskva; Leningrad: Nauka, 1964. – S. 258–268.

Shcheglov, Yu. K. Antioh Kantemir i stihotvornaya satira / Yu. K. Shcheglov. – Sankt-Peterburg: Giperion, 2004. – 720 s.

Simankov, V. I. Istochniki zhurnala «Detskoe chtenie dlya serdca i razuma» (1785–1789) / V. I. Simankov // XVIII vek. Sb. 28. – Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2015. – S. 323–374.